

Адрес-календарь
до 22/1
928

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ на 1914 годъ.

Гос. Печат. Дел.
Уфимск.
Губерн. Печатня

Издание Уфимскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

94962
ср.

У Ф А.
Электрическая губернская типография
1914.

ОТЧЕТЪ

О командировкѣ въ Бирскій уѣздъ, къ язычникамъ— инородцамъ

Члена Уфимскаго Губернскаго Статистическаго Комитета
В. I. Филоненко.

I.

Въ началѣ іюня 1912 года, Уфимскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ мнѣ было предложено совершить непродолжительную поѣздку къ язычникамъ—инородцамъ мѣстнаго края.

Изъ всѣхъ уѣздовъ Уфимской губерніи выбралъ я Бирскій уѣздъ, какъ наиболѣе населенный язычниками—черемисами и вотяками, и 19 іюня на пароходѣ „Златоустъ“ выѣхалъ въ Бирскъ.

Дорога до Бирска довольно однообразна. Единственный интересъ представляетъ еще Благовѣщенскій заводъ со своими пещерами, но послѣднія мнѣ пришлось видѣть только съ палубы парохода. Въ Бирскъ приѣхали мы рано утромъ. Городъ расположенъ на правомъ берегу р. Бѣлой, на Уфимско-Вятскомъ трактѣ, въ 103 верстахъ отъ г. Уфы. По географическому положенію подъ $55-25^{\circ}$ с. ш. и $73-11^{\circ}$ в. д. Основаніе Бирска историкъ Татищевъ полагаетъ раньше основанія Уфы. Академикъ Пекарскій въ своей статьѣ „Когда и для чего основаны гор. Уфа и Самара“, говоритъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ къ предположенію, чтобы Бирскъ былъ основанъ ранѣе Уфы, какъ то утверждаетъ Татищевъ. Что ни Уфа, ни Бирскъ не существовали въ царствованіе Ивана Васильевича, доказывается тѣмъ, что донынѣ не обнаружено ни одного государственнаго акта изъ временъ его царствованія, въ которомъ бы упоминались эти города.

Въ наказѣ царя Алексѣя Михайловича стольнику Θεодору Ивановичу Сомову, присланному воеводой въ Уфу „на князь Андреево мѣсто Волконскаго“, писанномъ лѣто 7172 (1664), мая

въ 15 день, есть положительныя свѣдѣнія, что на мѣстѣ, гдѣ нынѣ г. Бирскъ, было дворцовое село Архангельское и что въ 7171 году,

„Уфимскіе башкиры государево дворцовое село Архангельское, Бирь тожъ, раззорили и церковь Божию и дворы крестьянскіе пожгли и многихъ крестьянъ побили и въ полонъ поймали и раззорили безъ остатку и били-де челомъ великому государю тѣ крестьяне, чтобы великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ въ томъ селѣ и на прежнихъ мѣстахъ построиться и около того села построить острогъ и дать имъ для обороны отъ измѣнниковъ отъ уфимскихъ башкирцевъ ружья, и зелья и свинцу“.

На разспросы воеводы тѣ крестьяне заявили, что съ ними вмѣстѣ хотятъ строить городъ на Бирю ближайшіе черемисы и мещеряки, и что удобнѣе быть городу надъ самою рѣкою Бѣлою, выше устья Биря рѣки.

„И отъ того мѣста вверхъ по Бѣлой рѣкѣ къ городу Уфѣ струговымъ ходомъ семь днищъ, сухимъ путемъ въ полтора днища, а отъ Уфы до того мѣста струговымъ ходомъ на низъ по Бѣлой рѣкѣ въ трехъ днищахъ, а отъ Камы рѣки, то мѣсто до Уфы водянымъ ходомъ на половинѣ дороги и стало промежъ Уфинскаго уѣзду и зимнея и лѣтняя дороги на тожъ мѣсто, а Уфинскія-де всякихъ чиновъ градоскія люди ему Ѳедору сказали, что на томъ мѣстѣ острогу быть пристойножъ стало, межъ Уфинскаго уѣзду и въ угожемъ мѣстѣ“.

Вслѣдствіе этихъ соображеній по великаго государя грамотѣ, посланной въ 7171 году, уфимскому воеводѣ велѣно въ селѣ Архангельскомъ и Бирь тожъ острогъ строить.

Повелѣніе немедленно было приведено въ исполненіе, а чтобы городовое дѣло было прочно, посланы въ городъ и ружья, и свинецъ и зелье.

Такимъ образомъ, хотя на мѣстѣ Бирска и прежде существовало русское селеніе, но какъ городъ, онъ основанъ лишь въ 1663 году, 77 лѣтъ спустя послѣ основанія г. Уфы, а къ устройству его въ видѣ укрѣпленнаго города побудили правительство подробныя соображенія о необходимости укрѣпленнаго форта на срединѣ пути отъ Камы къ Уфѣ. *)

*) В. А. Новиковъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Уфимскаго дворянства. Стр. 11—12. Уфа. 1879 г.

Въ 1708 году, Бирскъ причисленъ къ Казанской губерніи, а въ 1744 году, вошелъ въ составъ Уфимской провинціи, вновь учрежденной тогда Оренбургской губерніи. Въ 1774 году, на защиту Бирска отъ Пугачева были присланы красноуфимскіе казаки, но шайки пугачевскія очень легко овладѣли Бирскомъ, перерѣзавъ безопасно уснувшихъ казаковъ, которые, по преданію, всѣ похоронены въ одной верстѣ отъ города, въ логу, называемомъ Калмыковскимъ. Во время башкирскихъ бунтовъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Петра I и Анны Іоанновны, Бирскъ также не разъ подвергался нападеніямъ. Въ 1781 году, Бирскъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Уфимскаго намѣстничества, а въ 1796 г. уѣзднымъ городомъ Оренбургской губерніи; въ 1865 г., уѣзднымъ городомъ Уфимской губерніи *). Такова исторія г. Бирска.

Въ Бирскѣ мнѣ пришлось пробыть три дня. Нужно было сходить въ уѣздную земскую управу, къ исправнику, въ инородческую учительскую школу, и, наконецъ, осмотрѣть достопримѣчательности города.

Спѣшу замѣтить, что мѣстная администрація оказала мнѣ самый радушный пріемъ и энергичное содѣйствіе. Такъ, предсѣдатель уѣздной земской управы далъ мнѣ бесплатный открытый листъ на тройку лошадей по всему уѣзду; исправникъ, какъ мѣстный старожила, сообщилъ мнѣ много свѣдѣній изъ жизни и быта язычниковъ; инспекторъ инородческой школы—адреса народныхъ учителей, крещеныхъ черемись, а къ одному изъ нихъ, живущему въ Бирскѣ, даже самъ ходилъ со мною.

Достопримѣчательности г. Бирска, слѣдующія:

1) Старинное городище, 2) соленыя озера, 3) Святой ключъ.

Старинное городище находится въ двухъ верстахъ отъ города. У мѣстныхъ жителей оно носитъ названіе „Чортова городища“ По преданію на этомъ городищѣ жилъ какой-то нагайскій Ханъ, владѣвшій башкирами. Хана выгнали отсюда драконъ, и онъ бѣжалъ со своими подданными за Кубань.

Городище небольшое. Съ трехъ сторонъ имѣетъ природное укрѣпленіе—довольно глубокія лѣсистыя долины. И только съ одной стороны, восточной, оно открыто. Вотъ почему древніе жители его и защищали эту восточную сторону, опасную въ случаѣ

*) Справочная книжка Уфимской губерніи за 1882—83 г.г. Стр. 250, 251. Уфа. 1883 г.

неприятельскаго нападенія. На восточной сторонѣ и донинѣ видны какіе-то камни, выступы—можетъ быть остатки прежнихъ валовъ.

Змѣй на этомъ городищѣ очень много. Многіе даже боятся ходить туда. Это обиліе змѣй и было, вѣроятно, причиной созданія у мѣстныхъ жителей вышеупомянутой легенды: будто бы Ха-на нагайскаго выгналъ съ этого городища драконъ.

Близъ подошвы горы, на которой расположено „Чортово городище“, лежитъ озеро. Называется оно „Усольемъ“ Такое названіе дано озеру, вѣроятно, потому, что вода въ немъ соленого вкуса, который былъ бы гораздо сильнѣе, если весною Бѣлая не сообщалась бы съ озеромъ и не растворяла бы его воду.

Рычковъ въ своихъ „Дневныхъ Запискахъ“ вотъ какъ описываетъ это озеро.

„Начало сего солоноватаго озера оказывается съ полуденной стороны изъ вязкаго болота, и идетъ на полночь, длиною отъ 400 до 500, а шириною отъ 5 до 8 сажень; потомъ скрывается обратно внутрь земли.

Сколь ни мало теченіе ея, однакожъ впадаетъ въ нее еще небольшая рѣчка, называемая Торная, выходящая съ восточной стороны изъ лѣсистыхъ горъ, а сія прѣсная вода, смѣшавшись съ нею, служитъ къ вящему вреду ея солёности. Дно озера сего составляетъ нѣсколько зеленоватый иль, котораго глубина вмѣстѣ и съ водою не болѣе одной сажени, и въ коемъ, такъ какъ и въ прочихъ родахъ сей земли, никакой отмѣны не примѣчается“ *).

„Усолье“ небольшими бугорками отдѣляется отъ другого озера. Вода во второмъ озерѣ также соленого и ѣдкаго вкуса, но второе озеро меньше перваго, не болѣе 80 саж. въ окружности.

Рычковъ такъ объясняетъ солёный вкусъ воды этихъ озеръ:

„Надобно думать, говорить онъ, что оңія озера приемяютъ вкусъ отъ какого-нибудь соленого источника, текущаго подъ землею: ибо въ наружныхъ частяхъ сихъ гористыхъ мѣсть не примѣчается никакого виду солёности“.

Характерно еще и то, что озера эти, по рассказамъ жителей г. Бирска, не замерзаютъ даже во время самыхъ сильныхъ морозовъ.

*) Рычковъ Дневныя Записки путешествія по разнымъ провинціямъ. Стр. 149. Часть II. Санктпетербургъ. 1770 г.

Недалеко отъ „Чортова городища“ находится и „Святойключъ“, Вода течеть съ небольшой горы, покрытой мелкимъ и частымъ лѣсомъ.

Вода очень холодная и на вкусъ пріятная.

По преданію, въ старину здѣсь была деревянная церковь, во имя св. Михаила Архангела.

Въ день св. Николая Чудотворца, 9-го мая, на томъ ключѣ бываетъ большое стеченіе народа.

Почему „ключъ“ названъ „святымъ“, мнѣ не удалось узнать у мѣстныхъ жителей.

Разсказывали мнѣ только, что туда многіе пускаютъ старыя иконы, на которыхъ стерлась живопись, кидаютъ мелькія серебряныя деньги, но почему все это такъ установилось, объяснить не могутъ. Чортово городище въ настоящее время и является единственнымъ памятникомъ древности г. Бирска.

Время, пожары и Пугачевщина уничтожили дубовую крѣпость, церковь св. Михаила и всю здѣшнюю старину.

Впослѣдствіи правда, въ 1799 году, церковь св. Михаила была построена уже въ городѣ, на такъ наз. „Галкиной горѣ“. Тамъ-же она находится и до настоящаго времени. Около нея есть колодець, а около колодца логъ. Говорятъ, что этотъ логъ служилъ входомъ въ тайникъ, проведенный къ р. Бѣлой; но теперь и слѣдовъ нѣтъ къ открытію входа.

Близъ „Галкиной горы“ находилось еще и кладбище. Здѣсь часто находятъ кости, черепа, а иногда и цѣлые костяки, положенные головой на с.-в. Преданіе говоритъ, что это кладбище не православное. Православное кладбище находилось на верху „Галкиной горы“, гдѣ стоитъ церковь; оно уничтожено въ 1772 году.

II.

Осмотрѣвъ Бирскъ, я выѣхалъ въ деревню Курманаева, Чураевской волости. Чураевская волость почти сплошь населена черемисами. Волость состоитъ изъ 34 селеній; жители ея, въ количествѣ 13981 человѣкъ, занимаются исключительно земледѣліемъ.

Деревня Курманаева—на земскомъ почтовомъ трактѣ, въ 20 верстахъ отъ Бирска. Въ ней 127 дворовъ. Населеніе—черемисы-язычники, и только мельникъ, да лавочникъ—русскіе. Рѣчка Кынгыръ раздѣляетъ деревню на двѣ части. Есть двѣ школы, но по-русски черемисы говорятъ плохо. Человѣка два—три не болѣе, изъ всей деревни.

Живутъ черемисы въ небольшихъ избахъ. Характерная черта ихъ избъ—это кругомъ окна. Въ маленькомъ домикѣ въ одну комнату бываетъ 5, 6 оконъ. Иногда два такихъ домика соединяются вмѣстѣ сѣнями. Получаются двѣ половины. Въ одной живетъ хозяинъ, а другая остается свободной. Когда первая половина начинаетъ разрушаться, онъ переходитъ во вторую, а первую ремонтируетъ. Двери домовъ открываются не наружу, а внутрь. При входѣ въ избу прежде всего бросается въ глаза, большая печь. У печи, на шесткѣ, съ правой стороны отъ чела устроена небольшая горнушка, которая затопляется съ шестка; въ нее сверху вмазанъ котелъ. Затѣмъ стоитъ столъ, а кругомъ по стѣнамъ, идутъ нары—лавки. На нихъ находится все имущество хозяина: и сундуки, и платья, и какія-то тряпки. Тутъ-же помѣщаются и дѣти. Такъ какъ съ трехъ сторонъ окна, то въ комнатѣ не уютно. Получается такое впечатлѣніе, что некуда сѣсть, что нѣтъ уголка. Нельзя сказать, чтобы въ избахъ было довольно чисто.

Во дворѣ, кромѣ большого навѣса, нѣтъ никакихъ построекъ. Подъ этимъ навѣсомъ помѣщается и все хозяйство черемиса.

Баня устраивается отдѣльно отъ жилищъ, обыкновенно на берегу рѣки или озера, если таковыя есть въ деревнѣ, чтобы имѣть возможность послѣ бани окунуться въ холодной водѣ.

Такія бани пришлось мнѣ видѣть въ деревнѣ „Акуди“ Базановской волости. Это, собственно говоря, есть не что иное, какъ небольшой четырехугольный шалашъ изъ хвороста съ земляной крышей. Каждый четвергъ, вечеромъ, можно видѣть такую картину: черемисы, и большіе и маленькіе, съ дровами, ведрами, вѣниками идутъ вереницею въ баню. Сначала моются мужчины, а послѣ нихъ—женщины. Всѣ вѣрятъ, что въ банѣ обитаютъ духи, вотъ почему съ банею у черемисъ связаны различныя суевѣрія и суевѣрные страхи.

Первое впечатлѣніе при вѣздѣ въ черемисскую деревню—это тишина и пустота. Точно всѣ вымерли. Нѣтъ даже собакъ. Затѣмъ постепенно начинаютъ показываться сначала дѣти, потомъ взрослые, какъ мужчины, такъ и женщины.

Росту черемисы—средняго, сложенія—крѣпкаго, коренастаго. Руки и ноги у нихъ небольшія, зубы бѣлые, и по большей части здоровые; у женщинъ груди малоразвитыя и рано отвислыя.

Глаза у черемисъ маленькіе, мало открытые, скорѣе глубоко сидящіе. Иногда встрѣчаются глаза, прорѣзанные нѣсколько вкось.

Брови скорѣе расходящіяся, чѣмъ приближающіяся.

Цвѣтъ глазъ измѣняется отъ голубого до темно-каряго; чаще всего встрѣчаются глаза сѣровато-голубые. Носъ по большей части небольшой и низкій, хотя встрѣчаются и носы хорошо очерченные и прямые. Волосы густые, мягкіе. Нѣкоторые стригутъ ихъ. Цвѣтъ волосъ колеблется между русымъ и темно-каштановымъ. Вполнѣ черный цвѣтъ волосъ встрѣчается весьма рѣдко. Сѣдые волосы встрѣчаются у мужчинъ и женщинъ старше 50 лѣтъ. Борода у мужчинъ небольшая, рѣдкая, вырастаетъ обыкновенно поздно, и большею частью бываетъ русая.

Черемисы всѣ почти курятъ, даже и маленькіе. Такъ, въ Курманаевѣ мнѣ приходилось видѣть съ трубкой мальчишекъ лѣтъ 4—5.

Костюмъ у мужчинъ слѣдующій:

На головѣ—шляпа изъ бѣлаго войлока собственнаго издѣлія, затѣмъ бѣлая свитка—шебуръ, подпоясанная вышитымъ полотенцемъ, на ногахъ—бѣлые, войлочные чулки и лапти.

Зимою шляпы замѣняютъ шапками своего издѣлія изъ сукна, заячьяго и бараньяго мѣха, а шебуръ—замѣняютъ полушубкомъ, тулупомъ. Это одежда верхняя.

Нижняя одежда—длинная, холщовая рубаха съ отложнымъ воротомъ. Разрѣзъ ворота дѣлается на правой сторонѣ груди и завязывается цвѣтными тесемочками. Получается нѣчто, вродѣ нашего галстука.

Далѣе—камзолъ изъ черной или бѣлой матеріи. Называется онъ бешметъ. Причемъ, черная матерія—покупная, бѣлая же—собственной выдѣлки изъ льна.

Наконецъ, порты—краснаго, синяго, чернаго цвѣта.

Вотъ и весь костюмъ черемиса.

Нужно впрочемъ еще замѣтить, что большинство носитъ бѣлый фартукъ сверху бешмета.

Женскій костюмъ нѣсколько сложнѣе, хотя бѣлый цвѣтъ въ немъ также преобладаетъ.

На головѣ—кичка вышитая, съ серебряными монетами. Это есть ни что иное, какъ довольно широкая и длинная полоса, идущая отъ самага лба до шеи. На кичку надѣвается угломъ бѣлый или красный платокъ. Концы кички изъ—подъ платка видны.

Затѣмъ свитка бѣлая—шебуръ; отъ мужского шебура женскій шебуръ отличается во-первыхъ тѣмъ, что онъ обшитъ черною

каемочкой, а во-вторыхъ, онъ дѣлается прямой, безъ талии. Шубуръ не застегивается и не подпоясывается; на ногахъ—бѣлые, войлочные чулки и лапти. Интересно устроены чулки, какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ. Это совсѣмъ не тѣ чулки, которые привыкли мы видѣть. Безъ всякой формы; нѣтъ ни пятки, ни носка. Это просто какой-то цилиндръ нѣсколько расширяющійся къ верху.

Ноги поэтому у черемисокъ очень толстыя, но толстая нога, точнѣе говоря голень, считается признакомъ красоты. Вотъ почему каждая черемиска, особенно молодая, заботится, какъ можно болѣе намотать на ноги, перевязавши сверху ихъ еще лентой изъ краснаго сукна.

Нижняя одежда—длинная рубаха съ разрѣзомъ на срединѣ груди. Воротъ, рукава, на плечахъ и спинѣ у рубахи расшиты. Иногда не расшиваютъ, а просто нашиваютъ холстъ другого цвѣта. Такъ, у бѣлой рубахи воротъ бываетъ малиновыи, рукава обведены коричневой каемкой, подоль красный и т. п. Рубаха подпоясывается поясомъ, застегиваемымъ на лѣвомъ боку. Сверхъ рубахи надѣвается холщевый бѣлый бешметъ, у котораго опять-таки края ворота, рукава и подоль расшиты. Наконецъ фартукъ—тоже расшитый, конецъ котораго обшиваютъ покупнымъ ситцемъ.

На шею—ожерелье, состоящее изъ монетъ съ бисеромъ.

Разъ мнѣ пришлось видѣть одну черемиску, у которой ожерелье представляло собою ленту съ большими серьгами на концахъ, причемъ серьги были вдѣты въ уши.

Вообще, относительно шейныхъ украшеній приходится замѣтить, что ихъ очень много, и въ полномъ составѣ ихъ имѣютъ только богатыя женщины и дѣвицы и надѣваютъ ихъ только въ праздничное время и на свадьбы. Небогатые черемисы дѣлаютъ только необходимыя украшенія, и тѣ наполовину состоятъ изъ фальшивыхъ монетъ.

Въ будничное время черемисы надѣваютъ на шею только одно ожерелье—изъ монетъ съ бисеромъ.

Что касается внутреннихъ качествъ, то Курманаевскіе черемисы отличаются характеромъ тихимъ и добродушнымъ. Честность отличительная ихъ черта. Вотъ почему воры среди черемисъ довольно рѣдки. Заподозрѣть въ воровствѣ кого-нибудь значить нанести кровную обиду. Мнѣ рассказывали такой случай. Какъ-то одинъ черемисъ взялъ у своего сосѣда узду безъ спросу

Его заподозрѣли въ воровствѣ, собрался сходъ и сдѣлалъ ему выговоръ. Только выговоръ! А онъ пошелъ—и удавился.

Во время голода въ 1911—12 г., черемисы тоже кончали скорѣе расчеты съ жизнью, чѣмъ осмѣливались украсть у своихъ зажиточныхъ сосѣдей кусокъ хлѣба.

Но съ другой стороны—черемисы упрямы, трусливы, недо-вѣрчивы, обидчивы, грязны, нелюдимы и тупы. Они какъ бы до сихъ поръ продолжаютъ жить старинною, лѣсною жизнью своихъ предковъ, слѣпо слѣдуя завѣтамъ суевѣрной старины, и питая глубокое отвращеніе къ русской цивилизаціи.

III.

Сами себя черемисы называютъ Мари. Въ переводѣ на русскій языкъ—это значитъ—мужъ, мужчина. Близость слова „Мари“ по звуку съ именемъ другого народа „Мери“ невольно заставляетъ думать о близости этихъ народовъ между собою. Извѣстный изслѣдователь сѣверо-азіатскихъ языковъ профессоръ Александръ Кастрень такъ это объясняетъ.

„Сами себя они называютъ „Мага“, что значитъ человекъ. Я уже раньше замѣчалъ, что „Мага“ родственно персидскому „mârd“, которое тоже значитъ человекъ. Въ черемисскомъ языкѣ на концѣ отпала буква t (d), и затѣмъ корень принялъ мягкое „а“, вслѣдствіе общей финскимъ языкамъ наклонности къ двухсложнымъ корнямъ.

Происшедшее такимъ образомъ „Мага“, по русскому произношенію почти произвольно переходитъ въ „Merja“, „Мери“. А этимъ именемъ Несторъ называетъ одинъ финскій народъ, который жилъ къ западу отъ черемисъ, въ окрестностяхъ стараго Ростова. Такъ какъ этотъ народъ носилъ одно названіе со своими сосѣдями черемисами, то мы и имѣемъ полное право заключить, что онъ, или состоялъ изъ черемисъ, или былъ весьма близкое къ нимъ племя. Тотъ же самый Несторъ упоминаетъ также еще объ одномъ, теперь уже исчезнувшемъ финскомъ народѣ—„Мугоша“, который жилъ на западъ отъ Мордвы, въ странѣ, гдѣ теперь городъ Муромъ. Безъ сомнѣнія, „Muroma“ составное слово, въ которомъ „мур“ напоминаетъ зырянское—*mort* (*mord*) „Такого же происхожденія и „mord“ въ словѣ Мордва. А отсюда такой выводъ, что всѣ эти народы принадлежали къ одному племени, но раздѣлились на три вѣтви:

„Мери“, „Мурома“, „Мордва“. 1) Что же значить самое слово „черемись“ „черемисы“. Мнѣнія ученыхъ по этому поводу раздѣлились. Кастренъ такъ объясняетъ: „Ихъ обыкновенное названіе черемисы дано имъ мордвинами, что, по объясненію Щекатова, 2) на мордовскомъ языкѣ значить—восточные“ 3).

Другіе—говорятъ, что названіе „черемись“ дано народу татарами: черемеш—значить гнилой, дрянной, негодный. Русскими же это названіе—„черемеш“—было передѣлано въ „черемись“, чувашами—въ „сярмыс“. Но мнѣніе это съ точки зрѣнія сравнительнаго языковѣдѣнія не выдерживаетъ критики.

Слово „гнилой“ по-татарски—„черекъ“ по-чувашски—сӱрӱк. Происходятъ эти прилагательныя отъ глаголовъ: татарскаго—черемек,—и чувашскаго—сӱрь. Значеніе глаголовъ—гнить.

Причастіе прошедшее отъ „черемек“ будетъ—черемыш, но отъ чувашскаго глагола—„сӱрь“—тоже самое причастіе будетъ „сӱрмыш“, а не „сярмыс“, какъ обыкновенно чуваша называютъ черемись.

Наконецъ даже и татары выговариваютъ не „черемеш“, а „чирмыш“, и во множественномъ числѣ—„чирмышлар“.

Вотъ почему проф. Золотницкій производитъ слово „черемись“ отъ джагатайскаго—„черик“—войско, полкъ, ополченіе“.

Это „черик“, говоритъ Золотницкій, у алтайцевъ перешло въ чӱру, у чувашъ—въ сѣра, а у черемись сократилось—у горныхъ въ сӱр, а у луговыхъ—въ сар, такъ какъ тюркскіе звуки „к“ и „г“, въ концѣ слова въ другихъ нарѣчіяхъ исчезаютъ.

У нынѣшнихъ казанскихъ татаръ слово „чери“ въ значеніи „войска“ утратилось и замѣнилось русскими: әрме—армія, пулык—полкъ. Слово же чӱр (чер) у татаръ означаетъ сражаться, воевать⁴⁾.

Это слово и сохранилось въ названіи черемись: чер-мыш, чир-мыш. Приставка же „мыш“, „мыс“, какъ въ турецкомъ, въ татарскомъ, такъ и въ чувашскомъ языкахъ есть окончаніе прошедшаго причастія. Слѣдовательно чувашское названіе „сярмыс“,

1) M. Alexander Castren's. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker Str. 132, 133. 134. Petersburg 1857 г.

2) Щекатовъ. Словарь географическій Россійскаго Государства. Часть VII. Москва 1809. § 63.

3) Alexander Castren's. ibidem. Petersburg 1857 г.

4) Радловъ. Словарь Тюркскихъ нарѣчій т. 3. Стр. 1966.

татарское—„чирмыш“, и отсюда уже русское—„черемись“ означает—„воинственный“.¹⁾

Свои предположенія о томъ, что слово черемись значитъ „воинственный“, проф. Золотницкій подтверждаетъ также лѣтописями и исторіей.

Такъ, съ самага прихода на Вятку въ 1174 г. новгородскихъ выходцевъ, тамошніе черемисы вели съ ними упорную и продолжительную борьбу за свои земли и самостоятельность; они часто нападали на Хлыновъ (Вятку) и на другія русскія поселенія.

Князь Курбскій въ своей исторіи говоритъ:

„Взяла была Черемиса Луговая царя собѣ съ Нагайскія орды, бронящеса христіаномъ и воююще: бо тотъ Черемисскій языкъ (людъ) не малъ есть и зѣло кровопійственъ и обрѣтается ихъ, глаголють, вѣще двадесять тысящей войска“²⁾.

Лѣтопись, объясняя положеніе Свіяжска, вскорѣ послѣ основанія его, говоритъ, что первыми и главными врагами этого города были, послѣ татаръ, „злолютые ратники черемиса, которая сидитъ по сю сторону Волги по юдолямъ и словеть горная“³⁾.

Наконецъ бунты въ 1572—84 г.г. и 1610—13 г. свидѣтельствуютъ также о воинственности черемисъ.

Таково мнѣніе проф. Золотницкаго. Въ 1872 г. П. Д. Шестаковъ высказалъ новое мнѣніе о происхожденіи названія черемисъ.

Въ статьѣ „Родственна ли Меря съ Вогулами“. П. Д. Шестаковъ говоритъ, что черемисъ—происходитъ отъ „керес“—гора и значитъ просто „горные люди“ (keres-marî, Sremiscans Іорданда⁴⁾).

Насколько послѣднее замѣчаніе справедливо судить трудно. Во всякомъ случаѣ оно представляетъ обширное поле для подробнаго изслѣдованія. Можно замѣтить только одно, что луговые черемисы и до сихъ поръ называютъ горныхъ черемисъ „Курук-мари“—горные люди.

По послѣдней переписи число черемисъ простирается до 259745 душъ. Въ Уфимской губерніи ихъ около 48993. Называются они луговыми, или вѣрнѣе восточными черемисами въ отличіе отъ своихъ собратьевъ „горныхъ черемисъ“, живущихъ на правомъ берегу Волги.

¹⁾ Проф. Золотницкій. Происхожденіе названія черемисъ. Казань. 1875 г.

²⁾ Сказ. кн. Курбскаго по изд. Устрялова 1868 г. Стр. 46 и 42.

³⁾ Истор. Госуд. Россійск. т. VIII прим. 231.

⁴⁾ Учен. Зап. Каз. Унив. 1873 г. № 1. Стр. 54.

Различныя части черемисской народности, отдаленныя одна отъ другой, слишкомъ сильно разнятся другъ отъ друга. Вотъ почему при общности главныхъ чертъ, черемисы различаются между собою многочисленными частностями: даже языкъ ихъ настолько измѣнился, что образовались уже нарѣчія его.

Рѣзкія измѣненія существуютъ также въ одеждѣ, обычаяхъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ. Такъ, въ Бирскомъ уѣздѣ мнѣ приходилось наблюдать разницу между отдѣльными волостями, находящимися на разстояніи не болѣе 40—50 в. другъ отъ друга.

Напримѣръ, религіозные обряды черемисъ Чураевской волости отличаются отъ религіозныхъ обрядовъ черемисъ Мышкинской волости.

Вотъ почему въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи, я буду описывать только то, что видѣлъ и слышалъ у черемисъ Чураевской именно волости, деревни Курманаева.

IV.

Пріѣздъ мой въ Курманаева совпалъ съ общественнымъ моленіемъ у черемисъ, которое продолжается 9 дней и называется „кюсе“. Во время этого моленія черемисы не работаютъ; это—сплошной девятидневный праздникъ.

Что значитъ слово „кюсе“? У самихъ черемисъ, участвующихъ въ моленіи, мнѣ не удалось добиться объясненія этого слова. Даже главный „мулла“ не могъ ничего отвѣтить мнѣ по поводу этого. Тогда я обратился къ учителямъ, крещенымъ черемисамъ, и одинъ изъ нихъ далъ мнѣ такое объясненіе. Слово „кюсе“ значитъ верхній, высшій. Праздникъ же такъ называется потому, что моленіе происходитъ на горѣ. Вся гора носитъ названіе „Кюсе-Курукъ“—богомольная гора. Но съ такимъ объясненіемъ, мнѣ кажется, нельзя согласиться. Очень интересно было бы знать мнѣніе профессора Гельсингфорскаго университета Раasonen'а который лѣтъ 8 тому назадъ пріѣзжалъ въ Курманаево, жилъ тамъ цѣлый мѣсяць, и первый описалъ „кюсе“. Свою брошюру на нѣмецкомъ языкѣ Раasonen прислалъ даже Курманаевскому учителю, но она у него куда-то затерялась. Въ русской литературѣ о восточныхъ черемисахъ мнѣ совершенно не приходилось встрѣчать описаніе этого праздника. Но тѣмъ не менѣе ключъ къ объясненію слова „кюсе“ даетъ намъ одинъ изслѣдователь черемисъ конца 60-тыхъ годовъ, А. Н. Филимоновъ, въ своей статьѣ: „О религіи

некрещеныхъ черемись и вотяковъ Вятской губерніи“¹⁾. У него встрѣчается слово „кюсото“. „Такъ называется, говоритъ онъ, у черемись отдѣленная для моленія дубрава, куда приводятъ животныхъ на закланіе какому-либо божеству“. Слово „кюсото“ составлено изъ двухъ черемисскихъ словъ: „кусен“ и „ото“. „Кюсен“ —значить „взаемъ, взаимообразно, но только не деньги“²⁾; а „ото“, или „отэ“, —роща. Слѣдовательно, „кюсото“ означаетъ рощу, гдѣ одинъ другому помогаетъ въ какомъ-либо дѣлѣ. Вѣроятно, первоначально въ такихъ рощахъ приносилось въ жертву животное только однимъ семействомъ, которое участвовать въ жертвахъ приглашало и членовъ другой семьи, какъ для помощи и молитвы, такъ и для раздѣленія трапезы. Теперь же въ общемъ смыслѣ „кюсото“ значить роща или мольбище, куда для жертвоприношенія собираются черемисы не только одной, двухъ и болѣе семей, но даже нѣсколькихъ селеній. Мнѣ кажется, что и у Курманаевскихъ черемись роща, гдѣ совершалось моленіе, прежде называлась „кюсото“, или „кюсе-курук“, такъ какъ у нихъ роща, дѣйствительно, находится на горѣ; а затѣмъ, съ теченіемъ времени, „кюсото“ или „кюсе-курук“ сократилось въ „кюсе“; и этимъ словомъ сталъ уже называться весь праздникъ, т. е. произошла обычная метонимія.

Эта гора для богомолья лежитъ въ двухъ верстахъ отъ деревни Курманаева. Дорога къ ней идетъ вдоль берега рѣки Кынгыръ. Гора обнесена изгородью и вся покрыта лѣсомъ, который состоитъ изъ разнообразныхъ древесныхъ породъ и главнымъ образомъ, дуба, березы и липы. Ёхаль я и думаль: такъ вотъ они —остатки священныхъ рощъ, къ которымъ никогда не прикоснется топоръ черемиса. И, дѣйствительно, подѣзжая ближе, вы видите, что многія деревья уже высохли. Одни изъ нихъ еще стоятъ, другіе уже повалились, но никто ихъ не трогаетъ. Какой-то таинственностью, какимъ то страхомъ вѣетъ отъ нихъ. Въ воображеніи встаютъ одинъ за другимъ рассказы о невѣдомой, полной всякихъ неожиданностей и нелѣпыхъ религіозныхъ заблужденій, странъ язычниковъ. Вдругъ вся роща точно заговорила. Въ разныхъ концахъ ея слышалось громкое, монотонное чтеніе. „Народъ молится“, говоритъ мнѣ ямщикъ;—„пойдемъ“. Я вылѣзаю изъ повозки и поднимаюсь на гору.

¹⁾ „Вятскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1868 г. №№ 8, 11; 1869 г. №№ 7, 8 и 21

²⁾ Ср. „арым“. Черемисско-русскій словарь. В. П. Троицкаго Стр. 28.

Праздникъ кюсе у черемисъ Чураевской волости ежегодно начинается 20 іюня и продолжается девять дней, въ теченіе которыхъ черемисы молятся и приносятъ жертвы. Моленіе это общественное. Во время моего пріѣзда принимало участіе въ празднованіи „кюсе“ 25 деревень; хотя, говорятъ, что число участниковъ съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше. „Мулль“ черемисскихъ на праздникъ было 12. Вотъ имена ихъ. Старшій мулла Шаяхмать Шаякаевъ. Остальные: Ибилай Кутлубаевъ, Микита Русинкинъ, Джанибекъ Изебаевъ, Самить Салкаевъ, Самитулла Брадыбаевъ, Папай Шумашбаевъ, Кунакпай Кунаевъ, Джумай Ибилаевъ, Айкашъ Файрушинъ, Киляй Киляевъ и Амытей Матіевъ. Имена эти интересны въ томъ отношеніи, что представляютъ собою смѣсь именъ русскихъ, какъ, напримѣръ, Микита Русинкинъ, и—мусульманскихъ, напр., Джанибекъ, Самитулла, и именъ чисто черемисскихъ. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ „мулль“ въ званіи своемъ пребываютъ болѣе 20 лѣтъ. Всѣ почти говорятъ по—русски, хотя и очень плохо.

Обыкновенно передъ началомъ моленія бываетъ сходъ, на которомъ муллы собираютъ деньги съ участниковъ для покупки жертвенныхъ животныхъ. Обязанность покупать жертвенныхъ животныхъ возлагается на особыхъ „выборныхъ“, которые предварительно моются въ банѣ, надѣваютъ праздничную одежду, а затѣмъ идутъ, прочитывая молитвы, по домамъ и выбираютъ скотину. Выбираютъ самыхъ лучшихъ и притомъ тѣхъ животныхъ, которыя дадутъ выборщикамъ знать, что онѣ именно угодны богу: вздрогнуть или встрепенутся при взглядѣ на нихъ или отъ прикоснованія къ нимъ. Если же этого не случится, то „выборные“ идутъ дальше. Такимъ образомъ, ищутъ подходящую скотину дня два и больше. Иногда они покупаютъ скоть и на базарѣ, но опять-таки принимая во вниманіе означенное условіе. Въ Курманаевѣ во время „кюсе“ всего было принесено въ жертву: 7 лошадей, 9 коровъ, 7 барановъ и 1 гусь. Когда, наконецъ, скоть будетъ найденъ, то муллы переселяются на „богомольную гору“, строятъ себѣ тамъ шалашъ, и живутъ въ немъ все время, пока продолжается праздникъ.

Но вотъ наступилъ и самый праздникъ. Муллы моются въ рѣкѣ, надѣваютъ чистое платье, разжигаютъ костры, навѣшиваютъ котлы. Около дерева, на колышкахъ, кладутъ длинную жердь. Къ ней прикрѣпляютъ свѣчи, которыя черемисы тутъ же сами дѣлаютъ изъ воска и пеньки. На землѣ, передъ деревомъ, ра-

стилаютъ полотенце, на которое въ особыхъ бурачкахъ ставятъ: медъ, толокно, лепешки, соль. Немного поодаль отъ дерева устраивается другая жердь, побольше, въ ростъ человѣка. На ней виситъ липовый вѣникъ; имъ мулла закрываетъ голову жертвеннаго животнаго, прежде чѣмъ облить его водою.

Когда все это будетъ приготовлено, то „учо“,—помощникъ муллы, идетъ за жертвеннымъ животнымъ, которыхъ владѣльцы приводятъ заранѣе въ рощу; и онѣ пасутся здѣсь же. „Учо“ беретъ ту скотину, которую нужно зарѣзать именно сегодня,—а это зависитъ отъ того, какому богу приносится жертва, такъ какъ у каждаго бога и своя особая жертва,—и ведетъ ее на арканѣ, сплетенномъ изъ лыка. Не доходя немного до жертвеннаго мѣста, „учо“ передаетъ арканъ муллѣ. Мулла беретъ арканъ, но не голыми руками, а полотенцемъ, и уже самъ ведетъ животное и привязываетъ его къ особому колу, вбитому поправую сторону дерева. Всѣ молятся, встаютъ на колѣни и говорятъ „амен“. Присутствуютъ пока еще только одни муллы, ихъ помощники—„учо“ да хозяева, у которыхъ была куплена жертвенная скотина.

Наступаетъ самая торжественная минута. Мулла беретъ въ руки изъ костра дымящуюся головню, а „учо“—топоръ и ножъ. Оба становятся передъ деревомъ и начинаютъ читать поочередно молитву, которая для всѣхъ боговъ одна и таже; перемѣняются въ ней только ихъ имена. И вотъ здѣсь поразило меня слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ молитвы мулла обязательно скажетъ „бисмилля“ (во имя бога),—формулу чисто мусульманскую. Несомнѣнно, это—вліяніе магометанъ, и вліяніе настолько сильное и безсознательное, что черемисы по своему слабоумію не могутъ даже разобратъся въ томъ, гдѣ—свое, а гдѣ чужое. Вотъ вопросъ, который долженъ быть заданъ черемису. Зачѣмъ ты говоришь—„бисмилля“? допытывался я у старшаго муллы. Развѣ ты мусульманинъ?! Но и старшій мулла не могъ мнѣ на это ничего отвѣтить; я думаю, что онъ даже и не понималъ того, о чемъ я его спрашивалъ. Вся молитва приблизительно читается такъ: „Бисмилля Куго-Юмо! Вотъ эту скотину хорошенько встряхни. Отъ оскверненія человѣческихъ рукъ и отъ всякой нечистоты очисти. Прими и удостой съ любовью и ласкою“. И такъ далѣе, причитывая въ томъ же родѣ. Въ промежуткахъ между своею рѣчью и рѣчью „учо“, мулла махаетъ дымящей головней, а „учо“ стучитъ три раза по топору. Всѣ падаютъ ницъ и говорятъ „амен“.

Затѣмъ „учо“ идетъ къ жертвенному животному и становится рядомъ съ нимъ, а мулла беретъ изъ бурачка кусочки меда и бросаетъ ихъ въ огонь, приговаривая: „Огненный духъ, дымъ твой длиненъ, языкъ остеръ. Что неправильно, поправь, предоставь, разъясни и передай наши молитвы богу“.

Послѣ этой молитвы мулла беретъ деревянную чашку съ водой и липовый вѣникъ. Воду онъ льетъ на голову и спину животного, закрывая уши вѣникомъ. Обязательно нужно, чтобы животное встряхнулось. Если этого не случится съ перваго раза, то животное обливаютъ до 7 разъ, умоляя всякій разъ бога о принятіи жертвы. Если и въ 7 разъ не удастся заставить скотину вздрогнуть, то ее оставляютъ до слѣдующаго жертвоприношенія, а вмѣсто непринятой приводятъ новую. Не обходится дѣло, конечно, и безъ хитрости. Такъ, прежде, много лѣтъ тому назадъ, скотину обливали горячей водой,—или наливали воды въ уши. При мнѣ произошелъ такой случай въ Курманаевской роцѣ. На одномъ изъ моленій,—а былъ я всего на трехъ,—черемисы приносили въ жертву двухъ телокъ и барана. Одна телка была замѣчательно красивая, породистая. Мнѣ стало даже жаль ее, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что будетъ. Полили телку въ первый разъ; не трясется. Полили во второй—тоже самое. Телка только замычала, посмотрѣла на всѣхъ своими умными черными глазами точно спрашивала: что вамъ отъ меня надо? Въ третій разъ полили телку; ну, хоть бы что! Она даже стала щипать траву, будто дѣло вовсе и не касалось ея. Заволновались черемисы,—тѣмъ болѣе, что другая телка и баранъ давно уже были зарѣзаны. Стали усиленно молиться, прося бога очистить и принять жертву. Послѣ молитвы мулла провелъ своей шляпой по хребту животного, пошепталъ что-то надъ водой и потомъ уже облилъ жертву. Результатъ былъ одинъ и тотъ-же: телка не тряслась. Я волновался больше самихъ черемисъ: мнѣ очень хотѣлось спасти телку. Въ пятый разъ облили—и въ пятый разъ богъ не хотѣлъ принять жертвы. Опять стали молиться черемисы. Теперь они уже просили бога простить ихъ за то, что они допустили на свое жертвоприношеніе двухъ невѣрныхъ, меня и еще одного своего односельчанина. Когда пришелъ послѣдній, никто не видѣлъ; но вель онъ себя безобразно: былъ пьянъ, все время громко разговаривалъ и, отлично зная по-черемисски, то и дѣло перебивалъ ихъ молитвы, „Василій, уйди отсюда, сказалъ ему старшій мулла.

Ты пьянъ и въ сапогахъ, а мѣсто это чисто“. Онъ было запротестовалъ, но два дюжихъ черемиса подхватили его подъ руки и увели вглубь роши. Я думалъ, что и меня постигнетъ въ концѣ-концовъ такая же участь за сапоги, но ко мнѣ черемисы отнеслись болѣе милостиво; хотя нужно сознаться, что чувствовалъ себя я неособенно пріятно, видя косые взгляды и зная, что большинство считаетъ виновникомъ неудачи меня, какъ чужого, какъ невѣрнаго. Черемисы опять стали молиться. Прежде чѣмъ облить въ 6-й разъ телку, мулла далъ ей пить. Наконецъ въ 7-й и послѣдній разъ мулла поднялъ уши животнаго и влилъ туда воду: но и этотъ маневръ не удался: телка не вздрогнула. Она была спасена. Ее отвязали и повели прочь отъ жертвеннаго мѣста. Я обратился къ хозяину съ просьбой продать мнѣ телку. Но хозяинъ не согласился, говоря, что завтра ее принесутъ въ жертву другому богу: быть можетъ, онъ ее и приметъ. Впослѣдствіи я узналъ, что всѣ тѣ животныя, которыя хоть разъ попали на „богомольную гору“, назадъ уже не уводятся оттуда. Онѣ обязательно должны быть принесены въ жертву, хотя бы пришлось поливать ихъ и всю ночь. Не вздрогнула сегодня, вздрогнетъ завтра и т. д.

Привели другую телочку. Ее богъ принялъ моментально. Всѣ заголосили: „Ой Куго-Юмо, спасибо, благодаримъ. Хорошо встряхнулъ, отъ прикосновенія человѣческихъ рукъ очистилъ, принялъ съ любовью и ласкою“. Тотчасъ телкѣ связали ноги, повалили ее на землю, и учо сталъ рѣзать ей горло,—вѣрнѣе, пилить, а не рѣзать. Картина крайне тяжелая и непріятная. Кровь брызжетъ изъ горла, животное страшно хрипитъ, и этотъ предсмертный хрипъ гулко раздается по всему лѣсу; между тѣмъ мулла беретъ деревянную ложку, наполняетъ ее кровью, молится надъ ней, а затѣмъ выливаетъ въ огонь. „Куго-Юмо, прими съ большимъ умиленіемъ, взываетъ онъ. Какъ мы всплескиваемъ, такъ и ты самъ на насъ всплесни твое благословеніе. Дай миръ, спокойствіе, здоровье, прибыль хлѣба, семейства, скота“. Животное все еще хрипитъ и мучится. Какъ только оно утихнетъ, снимаютъ кожу, мясо разрубаютъ и варятъ въ котлахъ.

Къ этому времени,—а это будетъ приблизительно часа въ три пополудни,—и собираются всѣ молящіеся. Вымытые, чистые, въ новой бѣлой одеждѣ они торжественно идутъ по лѣсу со свѣчами въ рукахъ. Всѣ—мужчины. Женщинъ на моленіи при мнѣ

было только пять человекъ. У каждой въ рукахъ—по деревянной чашкѣ, наполненной до верху блинами. Первая молитва Куго-Юмо, а затѣмъ всѣмъ остальнымъ богамъ, которыхъ чтутъ Курманаевскіе черемисы.

Вотъ эти боги.

1. **Кугу-Юмо**—великій богъ, творецъ міра и человекъ, вседержитель и управитель всей вселенной. Какъ верховному богу, ему молятся прежде всѣхъ. По мнѣнію черемисъ, верховный богъ вначалѣ былъ исключительно занятъ самимъ собою, а на людей и на землю рѣшительно не обращалъ никакого вниманія. Сталъ знакомъ онъ съ людьми только тогда, когда прекрасная дочь его, не имѣя на небѣ жениховъ, разъ спустилась на землю, увидела тамъ молодца, велѣла ему увести себя, а впоследствии, черезъ два года, явилась къ отцу съ повинною. Отецъ простилъ свою дочь, устроилъ большой пиръ; съ этого времени и началась связь Юмо съ землею. Легенда эта не нова. Она была подробно записана еще въ 60-хъ годахъ Нурминскимъ и изложена въ его статьѣ: „Очеркъ религіозныхъ вѣрованій черемисъ“. (Православный Собесѣдникъ 1862 г., ч. III стр. 255). Есть она также и у проф. П. В. Знаменскаго въ его статьѣ: „Горные черемисы Казанскаго края“. (Вѣстникъ Европы 1867 г., декабрь, стр. 38—39). Г. Золотницкій въ своихъ статьяхъ: „Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ черемисъ“ и „Богъ и небо у финскихъ и сибирскихъ народовъ“ выводитъ слѣдующее заключеніе относительно первоначальнаго ничегонедѣланія Юмо. „Такое понятіе черемисъ о невниманіи верховнаго бога къ людямъ вполне соответствуетъ ученію аравійскаго сабеизма и воззрѣніямъ пермяковъ-язычниковъ и самоѣдовъ“¹⁾.

2. **Пуйршо-Юмо**—помощникъ бога, исполнитель его порученій. Онъ имѣетъ книгу, въ которую при рожденіи человекъ заноситъ его будущую судьбу. Вотъ почему въ молитвахъ своихъ черемисы просятъ Пуйршо-Юмо смягчить суровое предопредѣленіе.

3. **Туньча-пуйршо-Юмо**—богъ „здѣшняго міра“.

4. **Юмын-онъ**—царь боговъ; управляетъ всѣми богами, подчиненными Куго-Юмо.

5. **Кудурчю-Юмо**—богъ грома.

¹⁾ Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ черемисъ. Изъ лекцій въ Казанскомъ Миссіонерскомъ Институтѣ. Н. И. Золотницкій. Стр. 18.

6. **Мардеж-онъ**—богъ вѣтровъ.

7. **Юмын пергѣ**—богъ изобилія, богъ довольства, или, какъ переводятъ черемисы, богъ, который хлѣбъ даетъ. (Пергѣ—прибыль, изобиліе).

8. **Эргя-пуйршо-Юмо**—богъ, дающій дѣтей, богъ зарожденія дѣтей. Онъ оплодотворяетъ супруговъ и умиротворяетъ семейные раздоры. Его вѣдѣнію подлежатъ брачная жизнь и супружеская любовь.

9. **Юмын-шочен**—богъ рожденія, богъ дѣтородія.

10. **Юмын-аш**—богъ, который даетъ сытность. Такъ сами черемисы характеризуютъ этого бога. (Аш-мясо, а также вообще пища, кушанье).

11) **Пигамбаръ**—собственно значить пророкъ. Слово это персидское: пейгамъ—вѣсть, и бурден—нести,—вѣсть несущій. Обязанности Пигамбара довольно сложны. Онъ постоянно разъѣзжаетъ по землѣ и собираетъ свѣдѣнія нужныя богу. Кромѣ того, онъ защищаетъ еще человѣка и домашнюю скотину отъ медвѣдя, волка и вообще отъ дикаго звѣря. Пигамбаръ имѣетъ два эпитета: **Кулло-Пигамбаръ** и **Казырь-Пигамбаръ**, **Кулло**—арабскаго происхожденія; **куллунъ**—цѣлость, всеобщность, все. **Казырь**—тоже арабскаго происхожденія; **кадырунъ**—могущій, властный, рѣшающій, предопредѣляющій. Отсюда **Кулло-Пигамбаръ**, **Казырь-Пигамбаръ**, значить: **всевѣдующій, всемогущій Пигамбаръ**. Вѣроятно, эти эпитеты прилагаются также и къ другимъ богамъ, но въ Курманавѣ мнѣ пришлось слышать ихъ именно только по отношенію къ Пигамбару.

Богини слѣдующія:

1. **Кече-аба**—мать солнца; она охраняетъ отъ заразы.

2. **Мардеж-аба**—мать вѣтра.

3. **Юмын-аба**—мать богинь, царица надъ богинями. Подобно Юмын-онъ, царю боговъ, она управляетъ всѣми богинями. Отъ Юмынъ-аба зависитъ также продолжительность человѣческой жизни.

4. **Перге-аба**—мать-прибыль, богиня счастья и богатства.

5. **Шочен-аба**—мать рожденія, богиня дѣтородія.

6. **Каба**—богиня судебъ, рокъ, жребій человѣческой, доля. Говорятъ также: **Каба-Пуйршо**, **Каба-Пигамбаръ**—судьба-подательница. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Бирскаго уѣзда небо у черемисъ

называется „Каба“. Въ небольшомъ черемисско-русскомъ словарѣ Троицкаго сказано: Кабй—вост. чер.—небо ¹⁾). Нельзя ли, поэтому, „Каба“ считать за богиню неба? Интересно объясненіе Рычкова этой богини. „Каба“, говоритъ онъ, есть такое божество которое живетъ отдѣльно отъ всѣхъ другихъ боговъ. Не разумѣя сего страннаго ихъ сказанія, спрашивалъ я у лучшихъ черемисъ, въ какомъ бы мѣстѣ было ея жилище? Они отвѣтствовали мнѣ: когда солнце среди лѣта взойдетъ на полдень, то въ то время свѣтитъ около ея жилища. Словомъ она живетъ въ неизмѣримой пучинѣ воздуха“ ²⁾). Но не есть-ли „Каба“ арабское слово гева—воздухъ, атмосфера, которое перешло отъ татаръ въ черемисскій языкъ, и приняло новое значеніе—„небо“.

Всѣ перечисленные боги и богини имѣютъ при себѣ еще, особыхъ ангеловъ, или докладчиковъ о людскихъ молитвахъ и просьбахъ. Изъ нихъ извѣстны слѣдующіе:

1. **Шукчѣ** или **Сакче**; слово это татарское и значитъ—стражъ хранитель.

2. **Витнизе**—докладчикъ.

3. **Казначи**—тоже самое, что и русское—казначей.

Самый высшій ангелъ на бѣломъ свѣтѣ—**Туньча-балъ-куго-шукчѣ**.

Всѣмъ означеннымъ богамъ и богинямъ черемисы приносятъ поочередно жертвы во время „кюсе“. Но этотъ штатъ боговъ нельзя считать общимъ для всей массы черемисъ, живущихъ въ Уфимской губерніи. Онъ не можетъ быть даже общимъ для Бирскаго уѣзда. Большое значеніе имѣетъ мѣстность, та или иная волость. Въ зависимости отъ этого, праздникъ „кюсе“ совершается различно, а равнымъ образомъ и штатъ боговъ, то увеличивается, то уменьшается. Такъ, въ сосѣдней съ Чураевской волостью,—Мышкинской, „кюсе“ совершается уже иначе.

Послѣ общаго моленія, или, какъ говорятъ черемисы, „молебна Куго-Юмо“, совершаются отдѣльныя частныя моленія. То здѣсь, то тамъ можно видѣть небольшую кучку черемисъ съ муллою около дерева. Одни стоятъ на колѣняхъ, другіе совсѣмъ пали ницъ. Нѣкоторые уже помолившись уходятъ. На смѣну имъ идутъ новые, неся свѣчи, деньги. Подойдя къ муллѣ, они пере-

¹⁾ Троицкій. Черемисско-русскій словарь. Стр. 15.

²⁾ Рычковъ. „Дневныя Записки. Стр. 84.“

даютъ ему свѣчи и деньги, но не голыми руками, а концомъ кушака. Мулла беретъ деньги и свѣчи, причемъ первые кладетъ на разостланное передъ деревомъ полотенце, а послѣднія—зажигаетъ отъ костра и, когда онѣ загорятся, бросаетъ ихъ въ огонь. Затѣмъ поворачивается лицомъ къ дереву и читаетъ слѣдующую молитву. „Ой Куго-Юмо! тебѣ приносимъ въ жертву хлѣбъ и мясо; какъ нѣкогда Авраамъ угощалъ трехъ странниковъ, такъ и мы угощаемъ тебя, просимъ принять и избавить насъ отъ всякаго несчастья. Ой Куго-Юмо! даруй народу, всякой скотинѣ и птицѣ здоровье: избави народъ отъ бѣды, болѣзни и всякихъ недуговъ. Ой Куго-Юмо! сбереги имущество всѣхъ мери (народъ), пошли имъ богатства, деньги и много скота, сохрани лошадей отъ вора и накажи его; давай во—время дождикъ и награди всѣхъ мери хорошимъ урожаемъ. Куго-Юмо! сохрани и умножи пчелъ и даруй изобиліе“ и т. д. Или: „Эй Кече-аба! приносящему жертву спасенье дай. Дѣтямъ его въ хлѣбѣ, пчелахъ и деньгахъ счастье дай. Всѣ сокровища, какія есть на землѣ, получить дай! Помоги Боже, государственные подати заплатить! Когда придетъ вешняя пора, и онъ выпуститъ твою скотину, ей Кече-аба, сохрани ее отъ вредныхъ вѣтровъ, отъ глубокихъ овраговъ, отъ волковъ, медвѣдей и воровъ, помилуй ее! Какъ хмель пухлявъ и полонъ такъ ума и счастья дай! Какъ свѣча горитъ свѣтло, такъ жить сподоби и здравіемъ награди“. Вообще, нужно замѣтить, что черемисскія молитвы не застыли въ опредѣленныхъ формахъ. Мулла во время произношенія ихъ много импровизируетъ. Это умѣнье импровизаціи является главнымъ стимуломъ при выборѣ въ муллы. Выбираютъ не того, кто болѣе грамотенъ или болѣе свѣдущъ въ вѣрѣ, а того, кто умѣетъ „много“ и хорошо просить. Молитвы свои муллы читаютъ довольно громко, такъ что гулъ стоитъ въ лѣсу.

Моленіе заканчивается проповѣдью главнаго муллы. Повернувшись къ своей паствѣ, онъ говоритъ слѣдующее: „живите дружно, не ссорьтесь, не берите чужого, не пейте вина, не давайте ложной присяги,“ и т. д.

Теперь можно ѣсть. Мясо уже сварено и разложено въ небольшихъ корытахъ и чашкахъ. Передъ началомъ ѣды, мулла беретъ опять дымящуюся головню изъ костра, а „учо“—топоръ и ножъ и, постукивая ножомъ по топору, и помахивая головней, три раза обходятъ вокругъ приготовленной жертвы, говоря бо-

гамъ: „Не говорите, что ѣли и пили не обращая вниманія, чье это. Звукомъ желѣза вашего добрыхъ приворачивайте сюда къ намъ, а злыхъ отгоняйте вмѣстѣ съ дымомъ вашимъ. . . Дайте миръ, спокойствіе, здоровье, прибыль хлѣба, прибыль семейства и прибыль скота“. Послѣ этой молитвы мулла кладетъ обратно головню въ костеръ, а „учо“ подноситъ ему чашку съ жертвенными частями. Мулла ихъ бросаетъ въ огонь, приговаривая: „Огненный духъ, дымъ твой длиненъ, языкъ остеръ. Что неправильно, поправь, предоставь, разъясни и передай“. Затѣмъ всѣ становятся на колѣни и кладутъ нѣсколько земныхъ поклоновъ. По окончаніи молитвы, мулла рѣжетъ липовыя вѣтви, собираетъ ихъ въ пучекъ и привязываетъ лыкомъ къ дереву. Опоясанное дерево называется „ана-пу“—священное дерево, а самое лыко съ вѣтвями—„итты“. Учо черпаетъ ложкой жертвенный супъ изъ котла и даетъ муллѣ; а мулла, взявши ложку, подходитъ къ „ана-пу“ и три раза всплескиваетъ на привязанныя вѣтви, говоря: „Прими большой непочатый хлѣбъ, большую свѣчу, большой котелъ съ мясомъ, какъ мы всплескиваемъ, такъ и ты всплесни на насъ твое благословеніе“. Опять просятъ о счастіи, богатствѣ.

Наконецъ, всѣ садятся и начинаютъ ѣсть жертвенное мясо. Оно все обязательно должно быть съѣдено. На другой день оставлять нельзя: тогда будетъ своя, новая жертва. Если же мясо все-таки останется, то на другой день его могутъ ѣсть только муллы. Кости и внутренности животныхъ сжигаются. Шкуры сжигаются только лошадей, а шкуры другихъ животныхъ идутъ въ пользу муллы. Къ 8 часамъ вечера все кончается. Наѣвшись и поблагодаривъ бога, черемисы расходятся, чтобы завтра уступить свое мѣсто новымъ богомольцамъ. Роща пустѣетъ. И только муллы въ своихъ шалашахъ, да потухающіе костры свидѣтельствуютъ о тѣхъ горячихъ молитвахъ, которыя были принесены здѣсь грозному, языческому богу.

V.

Переходя вообще къ вопросу о религіи черемисъ Бирскаго уѣзда, приходится отмѣтить тотъ фактъ, что дать яснаго отчета въ своихъ вѣрованіяхъ черемисы не могутъ, въ виду того, что сама-то религія ихъ не имѣетъ точныхъ и опредѣленныхъ основаній.

Мнѣ приходилось бесѣдовать и съ муллами и съ учителями и съ самыми простыми черемисами. И каждый понимаетъ свою религію по-своему. Выходить у всѣхъ разно, и въ тоже время— у всѣхъ вѣрно. Что касается мулъ, то какъ уже раньше замѣчалъ я, они крайне необразованы. Нѣкоторые даже и неграмотны.

„Наша вѣра Авраамская“, вотъ и все, что можете вы отъ нихъ добиться; а затѣмъ перечислять всѣхъ боговъ, которымъ поклоняются. Но даже и въ этомъ, мнѣ кажется, не особенно они тверды.

Такъ, я никакъ не могъ добиться отъ старшаго Курманаевского муллы слѣдующаго: зачѣмъ онъ передъ началомъ всякой молитвы обязательно говоритъ:—бисмилла.

А ужъ кажется слова молитвы онъ долженъ знать и понимать! Учителя—считаютъ себя знатоками и быта и религіозныхъ вѣрованій черемись. Нѣкоторые изъ нихъ усиленно работаютъ; составляютъ словари, грамматики, собираютъ сказки, пѣсни.

Все это должно быть издано, но обязательно на черемисскомъ языкѣ, а не на русскомъ. Изъ дальнѣйшаго разговора съ ними я вынесъ такое убѣжденіе. Во-первыхъ, они недовѣрчиво относятся къ многочисленной литературѣ какъ русской, такъ и иностранной о черемисахъ, а во-вторыхъ, почитая себя единственными знатоками язычества во многомъ, мнѣ кажется, не отдають себѣ яснаго отчета.

Единобожіе или многобожіе у черемись? И одинъ мнѣ сказалъ единобожіе, а другой насчиталъ чуть ли не 140 боговъ. Вотъ тутъ и разбирайтесь!

Но, оставляя всѣ эти спорные вопросы, рассмотримъ внѣшнюю сторону черемисской религіи.

Язычество черемисское—практическое. Догматическая, мифологическая сторона занимають въ немъ послѣднее мѣсто. На первомъ мѣстѣ стоитъ обрядъ, жертва. „Дай“, „накажи“, „защити“ постоянно вы слышите во всѣхъ молитвахъ. Отношеніе къ богамъ чисто утилитарное. Ублаживъ бога жертвой, и обязательно получивъ просимое, черемись этимъ и вполне довольствуется. Что же касается личности бога, его антропоморфическаго образа, то черемису до этого рѣшительно все равно.

Вотъ почему всѣ черемисскіе боги имѣють непосредственное отношеніе къ жизни, къ здоровью, къ занятіямъ черемись.

Напр. богъ, который хлѣбъ даетъ. Богъ, который даетъ сытность. Изъ вышеприведеннаго перечня боговъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, можно видѣть всю скудость религіознаго міросозерцанія черемисъ. Причина этой скудости заключается въ самомъ характерѣ черемисскаго народа, лишеннаго всякаго идеализма и поэзіи. Черемисъ практиченъ до мелочности; ему непонятны высшіе интересы. Вотъ эта-то узкая, практическая натура отразилась и въ религіи черемиса.

Всѣхъ черемисъ въ Бирскомъ уѣздѣ до сорока тысячъ. Большинство язычники ¹⁾. Но въ настоящее время приходится констатировать тотъ фактъ, что языческія старинныя вѣрованія исчезаютъ. Во всемъ Бирскомъ уѣздѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ идетъ ожесточенная борьба между язычествомъ, христіанствомъ и мусульманствомъ. Чѣмъ окончится эта борьба сказать довольно трудно, но пока побѣда несомнѣнно на сторонѣ мусульманства.

Черемисы, вслѣдствіе долговременнаго и совмѣстнаго сожительства съ мусульманами—отатариваются. Это „отатариваніе“ прогрессивно возрастаетъ, захватывая все большій и большій районъ черемисскаго населенія.

Исламъ проникаетъ во всѣ стороны жизни черемисъ и вытѣсняетъ все самобытное, черемисско-языческое. Черемисы оставляютъ свой костюмъ, обычаи, вѣрованія и даже языкъ. Оставленіе національнаго костюма имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ кажется это съ перваго взгляда, такъ какъ съ нимъ связаны религіозные взгляды черемисъ. По ихъ вѣрованію, самъ богъ черезъ разныя знаменія указалъ на ихъ костюмъ, какъ на одежду ему угодную. Вотъ почему въ былыя времена заимствованіе чужестраннаго костюма считалось за отступленіе отъ дѣдовской вѣры. Ревнителі старины и блюстители чистоты вѣры отцовъ нерѣдко воздвигали гоненія на цвѣточныя фабричныя ткани, ситцевыя рубахи, тюбетейки, сапоги и т. п.

И еще такъ недавно, лѣтъ десять тому назадъ, среди бирскихъ черемисъ, какъ мнѣ рассказывали, появилась „пророчица“. Это была молодая дѣвушка лѣтъ 18. Одѣтая во все бѣлое, ходила она по черемисскихъ деревнямъ и убѣждала своихъ сородичей не носить ничего покупнаго. Все должно быть самодѣльное, и обязательно—бѣлое. Успѣхъ ея проповѣди былъ порази-

¹⁾ Священникъ Матвѣевъ. О крещеныхъ инородцахъ Уфимской епархіи. Докладъ Мисс. съѣзда въ Казани. Стр. 28. Уфа. 1910 г.

тельный. Но въ дѣло вмѣшались власти, чуть ли даже не посадили ее въ тюрьму, но въ концѣ-концовъ признали ненормальной и оставили въ покоѣ.

Сейчасъ она жива, вышла замужъ и живетъ недалеко отъ села Камеева, Усы-Степановской волости.

Камеевскій учитель К-ъ предлагалъ мнѣ съѣздить съ нимъ къ ней; но обстоятельства сложились такъ, что мнѣ нельзя было воспользоваться его предложеніемъ. Теперь я очень жалѣю, что мнѣ не удалось увидѣть знаменитой пророчицы.

Вліяніе мусульманской пропаганды не ограничивается только костюмомъ, обычаями; оно предрасполагаетъ черемись къ воспріятію и языка магометанъ.

Вотъ почему не удивительно, что всѣ черемисы отлично говорятъ по-татарски. Такимъ образомъ одна изъ самыхъ важныхъ и характерныхъ особенностей народа—языкъ стирается, и этимъ путемъ подготавливается полное сліяніе двухъ народностей.

Пройдетъ еще лѣтъ 50—60, и все племя со своими вѣрованіями, обычаями и языкомъ канетъ въ область исторіи.

Ну, а христіанство, а наши миссіонеры? Что сдѣлали они? Вопросъ этотъ спеціальнѣйшій, и во всякомъ случаѣ не мнѣ здѣсь его рѣшать. Я только, какъ безпристрастный, объективный наблюдатель приведу все то, что я слышалъ относительно этого, разговаривая какъ съ крещеными черемисами, такъ и съ людьми очень заинтересованными миссіонерской проповѣдью.

Въ Николо-Березовкѣ, на Камѣ, есть монастырь. Въ монастырѣ—икона чудотворная, святителя-Николая. А Николая-Угодника чтятъ и черемисы-крещеные и язычники.

Часто можно видѣть такую картину. Ползетъ язычникъ-черемись къ иконѣ со свѣчкой въ рукахъ—и кричитъ. „Смотри же ты, Миколка—богъ! Накажи моего сосѣда; онъ негодяй, воръ; онъ тебя не почитаетъ. А я вотъ тебѣ свѣчку ставлю и почитаю тебя“. Если же чудотворной иконы не бываетъ въ храмѣ—ее вѣдь часто носятъ по селамъ, то язычники ставятъ свѣчи другимъ святымъ, называя ихъ приказчиками Николая-Угодника. И все-таки, несмотря на такое поклоненіе Николаю-Чудотворцу, большинство язычниковъ переходитъ не въ христіанство, какъ слѣдовало бы ожидать, а въ мусульманство.

Почему?

Вотъ буквальные слова одного черемиса.

„Легче и поборовъ меньше. У васъ обрядовъ много, молитвъ много нужно знать, намъ это трудно, вашему попу давать много надо. А мулла ничего не беретъ“.

Имѣеть, конечно, громадное значеніе и энергичная пропаганда мусульманскаго духовенства ¹⁾).

Благодаря тому, что черемисы знаютъ татарскій языкъ, эта пропаганда въ значительной степени облегчается. Мусульманскія легенды, сказанія, духовные стихи—„муназяфъ“ пользуются широкою популярностью среди черемисъ. Всѣ эти народныя татарскія произведенія преслѣдуютъ одну цѣль: дать черемисамъ уроки магометанскаго вѣроученія, сблизить на почвѣ религіозныхъ понятій язычниковъ и мусульманъ.

Въ нихъ разсказывается о жизни Магомета и его потомковъ, о происхожденіи міра, о блаженной жизни за гробомъ, о превосходствѣ мусульманской религіи, объ ожидаемомъ пришествіи „махди“—мессіи и о жалкой участи всѣхъ „кяфировъ“.

А черемисы, какъ народъ наивный, суевѣрный, всѣмъ этимъ сказаніямъ придаютъ значеніе.

Вотъ примѣръ наивности даже крещеныхъ черемисъ. Постомъ нельзя ѣсть скоромнаго; такъ что же они дѣлаютъ? Выколятъ у иконы глаза и говорятъ: теперь можно, богъ не видитъ.

Или, при похоронахъ черемисъ обязательно хочетъ положить въ гробъ: трубку, лапти, и т. п. Священникъ, конечно, препятствуетъ, говоритъ, что теперь уже нельзя такъ хоронить.

Мусульманское же духовенство въ данномъ случаѣ бываетъ совершенно равнодушно; какъ хочешь, такъ и хорони; хоть съ трубкой, хоть безъ трубки, да къ тому же за похороны мулла ничего не беретъ. И много приходилось мнѣ слышать подобныхъ разсказовъ.

Но какъ бы тамъ ни было, фактъ остается фактомъ: бирскіе язычники охотнѣе переходятъ въ мусульманство, чѣмъ въ христіанство.

Мнѣ кажется, что виноваты въ этомъ отчасти и мы сами.

Мы, русскіе, вообще какъ-то чуждаемся инородцевъ. Смотримъ на нихъ, какъ на людей низкаго происхожденія. Несмотря даже на принятіе христіанства, инородецъ для большинства все-таки остается „крещеной собакой“.

¹⁾ См. объ этомъ у Ерусланова Магометанская пропаганда среди черемисъ. Уфимской губерніи Православный Благовѣстникъ за 1895 г. № 10.

Наше духовенство, а равнымъ образомъ и всѣ православные христіане, очень мало заботятся о новообращенныхъ. Только бы окрестить! А знаетъ ли новообращенный христіанскія молитвы, остается онъ, хотя бы внѣшнимъ образомъ, христіаниномъ?

Какъ онъ живетъ, каково его матеріальное, положеніе, не притѣсняють ли его язычники—все это насъ, совершенно не касается.

Обратное явленіе вы видите у мусульманъ. Они чисто отеческою заботою окружають язычниковъ, принявшихъ ихъ религію.

И даѣе: въ мѣстностяхъ населенныхъ язычниками у насъ очень мало начальныхъ русскихъ школъ.

Мы совершенно не знаемъ потребностей инородцевъ, ихъ языка, быта и совершенно равнодушны къ мусульманской пропагандѣ.

Вотъ причины слабаго вліянія христіанства на черемисъ-язычниковъ.

VI.

Кромѣ черемисъ мнѣ удалось также побывать еще у вотяковъ. Я избралъ для этого самую отдаленную волость отъ Бирска, почти на границѣ съ Пермской губерніей—Ново-Кыргинскую. Волость состоитъ изъ 14-ти селеній; населена исключительно язычниками, черемисами и вотяками. Мѣстность, на которой расположена волость, почти вся ровная; жители занимаются однимъ земледѣліемъ.

Мой путь отъ Бирска былъ таковъ: Чураева—Бураева—Кіебакъ—Красный Холмъ—Черауль—Петровка—Каймашъ—Норканова—Новая Кырга—всего 114 верстъ.

Во время этого пути приходилось мнѣ встрѣчаться съ четырьмя народностями: черемисами, вотяками, татарами и русскими. Причемъ попадались такія деревни, напр. Кіебакъ, Коянова и др., гдѣ живутъ и татары и черемисы и русскіе. Характерно слѣдующее, какъ мнѣ рассказывали, что живутъ всѣ эти три народности довольно дружно, и поочередно справляютъ свои праздники. У русскихъ праздникъ—гостями являются татары и черемисы; обратно, у язычника праздникъ, въ гостяхъ у него—русскіе и мусульмане.

Къ сожалѣнію въ такихъ смѣшанныхъ селеніяхъ мнѣ пришлось быть очень немного и ограничится только короткими разговорами въ ожиданіи смѣны лошадей. А интересно было бы про-

слѣдить въ вышеупомянутыхъ смѣшанныхъ селеніяхъ нравы, обычаи, религію и языкъ.

Деревня Новая Кырга лежитъ при рѣчкѣ Пигмень-Шуры, на проселочной дорогѣ. Дворовъ 63. Есть волостное правленіе, школа, лавка и мельница. Населеніе исключительно—вотяки, кромѣ мельника, лавочника и двухъ писарей. Послѣдніе—русскіе.

Вотяки—инородцы финскаго племени; живутъ преимущественно въ юго-восточной части Вятской губерніи.

Въ Уфимской губерніи ихъ около 15-ти тысячъ. Самое слово „Вотякъ“ не первоначальное имя того племени, которое извѣстно подъ этимъ названіемъ. Настоящее имя его „Ут—Морт“, что значить человекъ. Изъ слова „Ут“, или „От“, русскіе сдѣлали „Вотъ“, „Воть“, и назвали этотъ народъ сперва вотами, а потомъ вотяками.

Сами вотяки мало могутъ разъяснить вопросъ о своей прежней родинѣ. Никакихъ преданій о времени прихода въ Башкирію, у Кыргинскихъ вотяковъ не сохранилось. Есть только, правда очень смутное представленіе о томъ, что когда—то, давнымъ—давно, предки ихъ жили на рѣкѣ Вяткѣ.

Но дѣло въ томъ, что опредѣлить, хотя бы приблизительно, время поселенія вотяковъ въ предѣлахъ Вятской губерніи, за неимѣніемъ данныхъ, нѣтъ никакой возможности.

Масса гипотезъ высказана учеными для разрѣшенія этого вопроса. Такъ, существуетъ мнѣніе, что первоначальную родину Воти надо искать въ предѣлахъ нынѣшней Петербургской губерніи. Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ есть указанія, что Вотъ въ XI столѣтіи жила вмѣстѣ съ Ижорою и Емью, и по этой причинѣ будто бы вся мѣстность на сѣверо-востокъ отъ Новгорода называлась Вотскою землею, а впослѣдствіи Вотской пятиной ¹⁾.

Эта гипотеза была еще высказана извѣстнымъ историкомъ Татищевымъ.

По мнѣнію Костомарова, остатки Воти существуютъ по нынѣ въ Нарвскомъ уѣздѣ ²⁾.

Соловьевъ высказываетъ предположеніе, что Вотъ участвовала въ призваніи варяговъ, и что подъ именемъ Чуди, упоминаемой начальнымъ лѣтописцемъ, слѣдуетъ разумѣть Вотъ, жителей древней Вотской пятины въ Новгородской области; въ до-

¹⁾ Остроумовъ. Вотяки. Стр. 5. Казань 1874 г.

²⁾ Сѣв. Рус. Народопрѣводство т. I Стр. 398.

казательство такого предположенія, Соловьевъ приводитъ то, что и теперь этихъ жителей русскіе, ихъ сосѣди, не иначе называютъ какъ Чудья ¹⁾).

Вештомовъ въ своей „Вятской исторіи“ (Казанскій Вѣстникъ 1827 г.) полагаетъ, что Вотъ первоначально жила на берегахъ Оки, въ нынѣшней Орловской губерніи, но движеніе славянъ на сѣверо-востокъ заставило ее передвинуться въ томъ же направленіи и уступать мало-по-малу пришельцамъ исконныя мѣста своихъ поселеній до тѣхъ поръ, пока она не достигла береговъ Вятки, гдѣ сама природа, непроходимыя болота и лѣса, служили для нея надежною защитою противъ новыхъ посягательствъ со стороны непріятеля. Академикъ Миллеръ и большинство его послѣдователей, напр. Бехтеревъ, говорятъ, что родиной вотяковъ является Алтай.

Наконецъ профессоръ Казанскаго университета Смирновъ въ своемъ историко-этнографическомъ очеркѣ „Вотяки“ пришелъ къ такому заключенію, что вопросъ о первоначальномъ поселеніи Воти должно пока считать открытымъ. Вообще, какъ замѣтилъ Н. И. Костомаровъ, въ русской исторіи нѣтъ ничего темнѣе „судьбы Вятки и земли ея“.

Достовѣрно извѣстно только то, что въ концѣ 15 вѣка, вотяки вмѣстѣ съ Вяткой были присоединены къ Московскому государству. Собственно говоря, съ этого времени и начинается документальная исторія Вятской области.

VII.

Въ Новой-Кыргѣ я пробылъ два дня. Деревня не представляетъ собою ничего особеннаго, и въ расположеніи и постройкѣ избъ схожа съ деревнями черемись. Единственная разница—это обиліе собакъ; каждый вотякъ содержитъ по крайней мѣрѣ не менѣе двухъ, трехъ. Объясняется это тѣмъ, что въ религіозныхъ воззрѣніяхъ вотяка собака играетъ видную роль. Наружность вотяка мало привлекательна. Цвѣтъ лица желтый; волосы рыжіе или русые; голова угловатая; глаза маленькіе съ узкимъ разрѣзомъ; щеки впалыя; подбородокъ острый; борода маленькая и рѣдкая; ноги кривыя.

Ростъ у большинства—ниже средняго. Въ выраженіи лица его вы не увидите ума, игривости, веселости.

¹⁾ Ист. Р. т. I Стр. 349. прим. 151.

Красивыхъ лицъ совсѣмъ не встрѣчается; напротивъ, отпечатокъ тупости, вялости, флегматичности, скрытности и хитрости рѣзко проглядываетъ въ наружности вотяка.

Женщины еще некрасивѣе мужчинъ. Онѣ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ рыжій цвѣтъ волосъ, широкое лицо, голубые глаза, большой ротъ. Въ старости вотячки совершенно безобразны.

Одежда вотяка состоитъ изъ сѣраго короткаго зипуна, безъ боровъ—въ родѣ пальто (дукесь), который подпоясывается обыкновенно ремнемъ; зимою-носятъ длинные кафтаны сѣраго домашняго сукна и подъ ними овчинные полушубки, а шею обертываютъ полотенцемъ или платкомъ. Необходимую принадлежность верхней одежды вотяка составляютъ: небольшой ножикъ и легкій небольшой топоръ, которые обыкновенно прикрѣпляютъ къ кушаку, а также кисеть съ табакомъ, трубка, кремень.

Куда бы ни пошелъ, куда бы ни поѣхалъ вотякъ—кушакъ съ вышеупомянутыми вещами постоянно на немъ. На головѣ вотякъ носитъ бѣлую войлочную шляпу, безъ полей въ видѣ усѣченнаго колпака или—суконную шапку собственнаго издѣлія. И обязательно тюбетейку.

Женщины носятъ платья собственнаго издѣлія, синяго цвѣта. По-серединѣ платья, кругомъ, нашиваютъ ситцевую оборку. Верхняя одежда—короткій кафтанъ, темно-сѣраго цвѣта со сборками на спинѣ. Головной уборъ—айшонъ, вродѣ русскаго кокошника. Спереди „айшонъ“ украшается серебряными монетами. Айшонъ надѣвается только по праздникамъ; цвѣтъ его различенъ у дѣвушекъ и женщинъ: у первыхъ онъ-бѣлый, у вторыхъ—красный.

Своею нравственностью вотяки не могутъ похвалиться. Такъ, у нихъ не считается предосудительнымъ, если дѣвушка забеременѣетъ до брака. Напротивъ, такая дѣвушка считается особенно завидной невѣстой и пользуется почетомъ за свою способность къ дѣторожденію. Объясняется это любовью вотяка къ семьѣ. Вотяки считаютъ большимъ несчастьемъ для себя имѣть бесплодную жену. Вотъ почему родители вообще очень легко относятся къ шалостямъ своихъ дочерей, держась довольно оригинальной пословицы—„дѣвушку мужикъ не любитъ, Богъ не любитъ“.

Но по выходѣ замужъ вотячки становятся вѣрными женами.

О религіозныхъ вѣрованіяхъ вотяковъ мнѣ удалось узнать слѣдующее. Богослужебные обряды ихъ ничѣмъ не отличаются

отъ обрядовъ черемись, но имена почитаемыхъ боговъ, а равнымъ образомъ и жертвы имъ приносимыя, различны.

Богъ у вотяковъ называется „**Ин-мар**“ „Инмар“ соотвѣтствуетъ черемисскому Юмо. Происхожденіе этого слова не вполнѣ выяснено.

Профессоръ Смирновъ полагаетъ, что первоначально это божество называлось „**Ин-мурт**“; **ин-небо**, **мурт-человѣкъ**. „**Инмар**“ живетъ на небѣ, и весь видимый міръ—его твореніе.

Каждую весну бываетъ ему моленіе Жертва—бѣлый гусь.

Шунды-Мумы—богиня, мать солнца. Ее молятъ о сохраненіи дѣтей отъ всѣхъ болѣзней.

Общее празднество бываетъ во время Пасхи. Жертва—соловый жеребенокъ **Му-колчинь**—жертва черная овечка **Ю-колчинь**—жертва бѣлая овечка. **Гидерим-мерлы**—богъ грома—жертва баранъ. **Кылчинь-кабалы**—жертва—телка. **Кургонь-веч**—жертва рыжій жеребенокъ.

Кылдыни-Мумы—богиня.

Вотяки ее считаютъ матерью Ин-мара. Женщины молятъ ее о рожденіи дѣтей, а дѣвушки о благополучномъ замужествѣ; жертва—бѣлая овечка. Вотъ и весь пантеонъ вотскихъ боговъ.

Вышеупомянутыя вотскія божества—суть боги добрые. Но есть еще у вотяковъ и боги злые. Изъ числа злыхъ боговъ главное мѣсто занимаетъ **Кереметь** или **Шайтань**. Онъ живетъ на землѣ и можетъ имѣть жилище во всѣхъ мѣстахъ—въ лѣсу, въ водѣ, въ пустыхъ домахъ и заходитъ даже въ жилыя избы, откуда его нужно изгонять ежегодно дубинами и огнемъ. Любимое его занятіе—мучить человѣка. По понятіемъ вотяковъ, Инмаръ и Кереметь—родные братья и первоначально оба были боги добрые; но вполслѣдствіи, Кереметь, поссорившись съ братомъ, сдѣлался злымъ. Существующая легенда объ этой ссорѣ очень похожа на христіанскій разсказъ о соблазнѣ дьяволомъ нашихъ прародителей—Адама и Еву.

Вотъ какъ было дѣло.

Сотворивъ перваго человѣка изъ красной глины, и помѣстивъ его въ раю, въ которомъ всего было вдоволь, Инмаръ послалъ своего брата, Кереметя, осмотрѣть землю, все ли на ней въ порядкѣ?. Кереметь нашелъ все исправнымъ, но когда пришелъ въ рай, то увидѣлъ перваго человѣка скучающимъ. Кереметь сообщилъ объ этомъ Инмару. Инмаръ приказалъ Кереметю научить перваго человѣка, дѣлать кумышку, особый напитокъ,

который разогналъ бы его скуку. Когда Кереметь во второй разъ осматривалъ землю, то опять нашель перваго человѣка скучающимъ, несмотря на то, что теперь у него была кумышка.

Кереметь доложилъ объ этомъ Инмару. Но Инмаръ не повѣрилъ Кереметю, упрекнулъ его во лжи и страшно разсердился на своего брата.

Кереметь же плюнулъ Инмару въ лицо и скрылся. Съ этого момента братья и рассорились между собою навсегда.

Инмаръ теперь самъ пошелъ осматривать землю. И дѣйствительно, Кереметь былъ правъ; первый человѣкъ скучалъ. На вопросъ Инмара почему онъ скучаетъ, послѣдній отвѣчалъ, что ему необходима жена. Инмаръ исполнилъ его желаніе, но съ условіемъ, не пить въ теченіе года кумышки, которую успѣлъ осквернить Кереметь.

Весело началъ жить вотякъ въ раю со своею женой.

Но Кереметь, помня оскорбленіе брата, началъ теперь мстить ему: производить на землѣ безпорядокъ, вводитъ перваго человѣка въ грѣхъ; а такъ какъ онъ былъ равносильнъ Инмару, то и сдѣлалъ на зло послѣднему, жену перваго человѣка, любопытной.

И вотъ, однажды, жена увидала въ раю покрытую чашку, въ которой находилась кумышка, оскверненная Кереметемъ. Несмотря на приказаніе Инмара не прикасаться къ кумышкѣ, она, по своему любопытству, открыла чашку, отпила немного изъ нея и поднесла своему мужу.

Съ этого времени первые люди сдѣлались смертными потому, что Кереметь посадилъ въ чашку съ кумышкой смерть.

Инмаръ выгналъ ихъ изъ рая и лишилъ даже возможности размножаться.

Свое благословеніе на размноженіе Инмаръ далъ людямъ только послѣ вторичнаго творенія. Опять изъ красной глины сотворилъ онъ нѣсколько паръ мужей и женъ, а чтобы Кереметь не ввелъ бы ихъ въ грѣхъ, Инмаръ для охраны приставилъ къ каждой парѣ по большому, черному псу.

Вотъ почему собака и пользуется у вотяка большимъ почетомъ. Каждый вотякъ долженъ имѣть ее у себя въ домѣ, для защиты отъ Кереметя. Собака надѣлена даромъ предвидѣнія; она знаетъ все, что дѣлаютъ Инмаръ и Кереметь. Когда сабака лаетъ безъ причины, вотяки убѣждены, что она видитъ Кереметя, и лаетъ именно на него.

● При такомъ дуалистическомъ вѣрованіи, гдѣ Инмаръ представляется духомъ добрымъ и милостивымъ, а Кереметь—духомъ злымъ и мстящимъ, естественно, что весь религіозный культъ вотяковъ, какъ народа невѣжественнаго, и заключается въ почитаніи этого злого божества.

Вотяки говорятъ, что Инмаръ, какъ богъ безгрѣшный и добрый, не можетъ вводить челоуѣка въ грѣхъ, дѣлать ему зло, и, по своему милосердію, не требуетъ большихъ жертвъ; а между тѣмъ Кереметь, какъ богъ злой, напускающій на челоуѣка болѣзни, смерть, всякія бѣдствія, требуетъ постояннаго и усерднаго умилостивленія. Вотъ почему вотяки больше всего и приносятъ жертвъ этому злomu божеству—Кереметю.

Видѣть самыя жертвоприношенія вотяковъ мнѣ не удалось.

Въ заключеніе необходимо еще отмѣтить необыкновенное суевѣріе вотяковъ. Всѣ болѣзни они считаютъ навожденіемъ злого духа; мало того—даже олицетворяютъ самую болѣзнь. Боговъ своихъ страшно боятся. Такъ, показавъ мнѣ мѣсто моленія „богомольное мѣсто“, мулла страшно забеспокоился, что при выходѣ оттуда, онъ недостаточное число положилъ поклоновъ.

„Ахъ, накажетъ богъ, охаль онъ всю дорогу, что-то будетъ; надо собрать народъ въ пятницу и помолиться“.

Вообще въ характерѣ вотяка, можно сказать, преобладаютъ и хорошія и дурныя черты. Съ одной стороны, онъ дружелюбенъ, миролюбивъ, гостепріименъ, тихъ, скромненъ, бережливъ; съ другой стороны, онъ робокъ, боязливъ, скрытенъ, хитеръ, лживъ, въ высшей степени суевѣренъ, нелюдимъ и непріязненъ къ народамъ чуждаго ему племени.

Литература о восточныхъ черемисахъ и вотякахъ.

1. **Алонзовъ.** Религіозныя вѣрованія черемись. (Пам. кн. Оренбург. губ. 1865 г. Уфа. 1865.
2. **Рычковъ.** Журналъ или дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1769 и 1770 году. С.-Петербургъ 1770 г.
3. **Черемшанскій.** Описаніе Оренбургской губерніи. Уфа. 1859 г.
4. **Рычковъ.** Топографія Оренбургской губерніи. Оренбургъ. 1887 г.
5. **Б. Ф.** Нѣсколько словъ о черемисахъ, чувашахъ и вотякахъ. (Московск. вѣд. 1854 г. № 131).
6. **Городецкій.** Забѣтки о черемисахъ, проживающихъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ (Пермск. губ. вѣд. 1862 г. № 28, 29).
7. **Блиновъ.** Вотяки. Вятка 1856 г.
8. **Бехтеревъ.** Вотяки. Ихъ исторія и современное состояніе (Вѣстникъ Европы 1880 г. 8, 9).
9. **Герценъ А. И.** Вотяки и черемисы (Вятск. губ. вѣд. 1838 г. № 1, 3, 5).
10. Alexander Castren's Ethnologische Vorlesungen über die „Itaischen folker St. Petersburg 1857 г.
11. **Лосіескій.** Бытъ и праздники черемись Оренбургской губерніи (Оренб. губ. вѣд. 1848 г. № 41, 42). Обрядъ черемисскихъ похоронъ (Оренб. губ. вѣд. 1852 № 19). Черемисская свадьба Уфим. губ. вѣд. 1882 г.)
12. **Золотницкій.** Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ черемись. Казань 1877 г. Корневой чувашско-русскій словарь, сравненный съ языками и нарѣчіями разныхъ народовъ тюркскаго, финскаго и другихъ племенъ. Казань 1875 г. Происхожденіе названія черемись. Казань.
13. **Шиле.** Черемисы (Природа и Люди 1878 г. № 9). Вотяки (Природа и Люди 1878 г. № 10).
14. **Смирновъ.** Черемисы. Казань 1889 г. Вотяки. Казань. 1890 г.
15. **Веске.** Исслѣдованія о нарѣчіяхъ черемисскаго языка. Казань 1889 г..
16. **Соммье.** О черемисахъ (Записки Уральскаго общества любителей естествознанія т. XIII 1891 г. Екатеринбургъ).
17. **Никольскій.** Изъ поѣздки къ восточнымъ черемисамъ (Изв. Импер. Рус. Географ. Общ. 1895 г. т. XXXI вып. 1.) Этнографическо-

II

антропологическій очеркъ восточныхъ черемисъ (Труды Антроп. общ. при Импер. военно-мед. академіи т. II (за 1894—95 г.) 1897 г.

18. Кузнецовъ. Остатки язычества у черемисъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1885 г. т. XXI). Очерки изъ быта черемисъ (Древняя и новая Россія 1877 г. № 8. 1879 г. № 5). Четыре дня у черемисъ во время Сюрема (Изв. Импр. Рус. геогр. общ. 1879 г. № 2, 3).

19. Нурминскій. Очерки религіозныхъ вѣрованій черемисъ (Прав. собесѣд. 1862 г. № 12). О крещеныхъ черемисахъ Бирскаго уѣзда (Оренб. губ. вѣд. 1846 г. № 43).

20. Еруслановъ. Магометанская пропаганда среди черемисъ Уфимской губерніи (Православный благовѣстникъ 1895 г. № 10). Очеркъ быта и преданій восточныхъ черемисъ. Жертвоприношеніе черемисъ Бирскаго уѣзда по случаю неурожая. (Изв. Оренбург. Отдѣла Импр. Рус. Геогр. Общ. 1894 г. в. 4). Родственный союзъ по понятіямъ восточныхъ черемисъ (Этнограф. обозрѣніе 1895 г. книга XXV).

21. Троицкій. Черемисско-русскій словарь. Казань.

22. Вэсь марла книга (книга для чтенія) на восточномъ нарѣчій. Казань 1907 г.

23. Вѣстникъ Оренбург. Учебнаго округа. 1912 г. № 1, 2.

24. Матвѣевъ. О крещеныхъ инородцахъ Уфимской епархіи. Уфа, 1910 г.

Что писано вообще о черемисахъ и вотякахъ подробно указано въ книгѣ

„Наиболѣе важныя статистическія свѣдѣнія объ инородцахъ восточной Россіи и западной Сибири, подверженныхъ вліянію ислама“.

Подъ редакціей Епископа Андрея бывшаго Мамадышскаго, нынѣ Уфимскаго и преподавателя этнографіи Н. В. Никольскаго. Казань 1912 г.

В. І. Филоненко.